

ДИНАСТИИ
РОССИИ

ДМИТРИЙ ТАРАТОРИН

ЮСУПОВЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 94(092)(470)

ББК 63.3(2)-8

T19

Серия «Династии России»

Дизайн серии Алексея Родюшкина

В оформлении обложки издания использована картина
Серова В.А. «Портрет графа Ф.Ф. Сумарокова-Эльстона», 1903 г.
Государственный Русский музей

Тараторин, Дмитрий Борисович

T19 Юсуповы / Дмитрий Борисович Тараторин. —
Москва: Издательство АСТ, 2025. — 320 с.: [16]. —
(Династии России).

ISBN 978-5-17-174103-7

Самый знаменитый представитель рода — Феликс Юсупов. Убийца Григория Распутина принадлежал к одной из самых богатых и влиятельных семей Российской империи. Предки Юсуповых, золотоордынские аристократы и правители Ногайской Орды, перешли на службу к русским государям. С тех пор они всегда были близки к трону. Князь Григорий был ближайшим сподвижником Петра I и героем Полтавской битвы, а князь Николай — одним из самых ярких вельмож екатерининского времени. Среди Юсуповых было много благотворителей и меценатов, но они не забывали и о себе: строили роскошные дворцы, дарили женам дорогие наряды и украшения, а один из них даже устроил в своем имении сад экзотическими растениями и животными.

Славный род начал приходить в упадок вместе с концом Российской империи. Последний в роду князь, Феликс, умер в эмиграции. Однако умы историков до сих пор будоражит тайна родового проклятия Юсуповых и их эксцентричные выходы. Юсуповы смотрят на нас со старинных портретов, и восточная утонченность и загадочность сочетаются в их облике с русской удалью.

УДК 94(092)(470)

ББК 63.3(2)-8

© Государственный русский музей,
2025

© Тараторин Д.Б., 2025

© ООО Издательство АСТ, 2025

ISBN 978-5-17-174103-7

Предисловие

Каждый русский аристократический род ярок и интересен по-своему. Но князья Юсуповы даже на блестящем фоне прочих представителей имперской элиты — это особая история. И дело не только и не столько в их фантастическом богатстве и оригинальности отдельных представителей фамилии. Дело в том, что буквально от начала до конца самого существования русской монархии представители рода играли в ее судьбе уникальную роль.

Потомки ногайского бия, перешедшие на службу к Ивану Грозному вместе с другими представителями ордынской элиты, своим выбором ознаменовали переход владычества над Евразией от потомков Чингисхана к Московскому правящему дому. Именно этот шаг сыграл решающую роль в его укреплении.

А в финале истории Российской империи именно Феликс Юсупов предпринимает отчаянный шаг — организует убийство Распутина, чтобы спасти авторитет дома Романовых. Безусловно, можно спорить об обстоятельствах и последствиях этого заговора. Но совершенно очевидно, что от сурового ордынского полководца Едигея до последнего князя Юсупова, утонченного аристократа и, как сказали бы сегодня, «иконы стиля», представители рода — это галерея ярких, неординарных личностей.

Один из ближайших сподвижников Петра Великого, князь Григорий Дмитриевич, блестящий екатерининский вельможа, дипломат, неутомимый коллекционер и создатель уникального дворцового комплекса Архангельское Николай Борисович, женщина удивительной красоты, само воплощение аристократизма княгиня Зинаида — каждый из них стал буквально воплощением своей эпохи.

И эта книга — не просто галерея портретов членов этого удивительного рода, это рассказ об истории нашей страны через призму судеб Юсуповых, одного из самых ярких и загадочных родов Российской империи.

Глава I

Дуэль и проклятье

Николай Феликсович

1883–1908

Первые выстрелы они сделали, когда «барьер» был на тридцати шагах. Николай стрелял в воздух. Он не хотел этой дуэли. Не желал убивать своего противника графа Арвида Мантейфеля. «Гвардеец выстрелил в Николая, промахнулся и потребовал сократить расстояние на пятнадцать шагов. Николай снова выстрелил в воздух. Гвардеец выстрелил и убил его наповал. Но это уже не дуэль, а убийство», — писал в своих воспоминаниях об этих роковых выстрелах брат погибшего Феликс Юсупов.

Гибель Николая обрушилась внезапным и сокрушительным горем на всех его близких. Но события, которые привели к этой трагедии, производят впечатление неотвратимости. Юсуповы просто пытались обмануть себя, буквально уговорить друг друга, что конфликт может быть улажен. Но неумолимые законы чести пришли в действие, и избежать смертельного исхода было невозможно.

Вся предыстория дуэли, как и сама она, — воплощение странной, изысканной и изломанной эпохи, названной Серебряным веком. Николай смотрит

с портрета кисти Валентина Серова куда-то мимо нас, в пространство. Глубокие карие глаза, чувственный рот. «Портрет Николая Юсупова не сразу удался. Не выходило схватить капризность выражения его лица», — признавался художник. Заметим, что так и не удалось.

А есть ли в его чертах знаки обреченности? Нет, скорее отрешенность. Но отрешенным он точно не был. Он был страстным, можно сказать, отчаянным человеком. И сама эпоха декаданса не велела себя щадить, не велела брать в расчет, чем может обернуться следование зову бурлящей крови.

Впрочем, сам Николай, возможно, свою обреченность сознавал. Иначе откуда такой псевдоним? Свои стихи, которые затем превращались в довольно популярные в великосветских салонах романсы, он подписывал «Роков». Он и правда чувствовал, что его судьбу предопределяет злой рок или даже проклятье? Или это дань декадентскому влечению ко всему, «что гибелью грозит»?

Феликс Юсупов свидетельствует в своих мемуарах: «Пять лет разницы у нас с братом поначалу мешали нашей дружбе, но когда мне исполнилось шестнадцать лет, мы сблизились. Николай учился в Петербурге, закончил Санкт-Петербургский университет. Как и я, не любил он армейской жизни и от военной карьеры отказался. По характеру был скорее в отца и на меня не походил. Но от матери унаследовал склонность к музыке, литературе, театру. В 22 года руководил любительской актерской труппой, игравшей по частным театрам. Отец этим его вкусам проти-

вился и дать ему домашний театр отказался. Николай и меня пытался затащить в актеры. Но первая проба стала и последней; роль гнома, какую он дал мне, оскорбила мое самолюбие и отвратила от сцены».

Но сам Николай, похоже, был одарен подлинным актерским талантом. По крайней мере, об этом свидетельствует переписка Феликса с матерью. В ней он сообщает, что брата пригласил в труппу Московского Художественного театра один из его директоров Алексей Стахович. Мать в ответном письме, впрочем, предположила, что, скорее всего, от Юсуповых ждут финансовой помощи. Хотя, будь молодой наследник бездарностью, в звездный состав тех лет даже за большие деньги его бы не позвали.

Но так или иначе, «Рокову» не дано было испытать свой талант на профессиональной сцене. Переписка, посвященная его театральным перспективам, относится к лету 1907-го. Ровно через год Николай будет убит.

Да и в Париже, где находились братья, когда старшему пришло приглашение в МХТ, тот был увлечен уже совсем не театром. Феликс пишет в мемуарах: «Брат познакомился с очень известной в то время куртизанкой Манон Лотти и безумно в нее влюбился. Она была молода и элегантна. Жила в роскоши. Имела особняк, экипажи, драгоценности и даже карлика, которого считала талисманом. Притом держала она компаньонку Биби — в прошлом куртизанку, а ныне больную старуху, очень гордую своей давнишней связью с великим князем Алексеем Александровичем. Николай совсем потерял голову. Проводил он

у Манон дни и ночи. Изредка вспоминал обо мне и брал меня с собой в ресторан. Но мне скоро наскучило быть на вторых ролях. Я и сам завел любовницу и скромней, и милей Манон».

Но по возвращении в Россию Николая ждала подлинно роковая страсть. Она воплотилась в дочери графа Гейдена, очаровательной девятнадцатилетней Марине. В марте 1908 года она впервые увидела Николая и влюбилась без памяти. В данном случае это даже не фигура речи: девушка сочла ничего не значащим обстоятельством то, что она уже помолвлена с офицером полка конной гвардии графом Арвидом Мантейфелем. Более того, их свадьба уже была назначена на 23 апреля того же года.

С Николаем Марина познакомилась благодаря участию обоих в благотворительном спектакле. Именно она была инициатором их отношений, посылая предмету обожания романтические письма. Вскоре уже и сам Николай был влюблен в нее и тоже не желал думать о последствиях.

Феликс вспоминал: «Он решил жениться. Родители отказались дать согласие. Выбор его они не одобряли. Мне и самому он не нравился — слишком хорошо я знал девицу сию. Но помалкивал, чтобы не потерять братина доверия: еще надеялся остановить его». Надежда оказалась напрасной: «Жениху надоели проволочки, он потребовал назначить день. Николай пришел в отчаяние, девица рыдала и уверяла, что скорей умрет, чем выйдет за немилого».

И вот буквально за несколько дней до свадьбы ситуация вышла далеко за рамки светских приличий.

Молодая невеста приехала на «прощальный» ужин в отдельный кабинет одного из модных петербургских ресторанов. Это, правда, не было свиданием наедине, но именно присутствие третьих лиц, оказавшихся посвященными в тайну их любви, сделало положение дел откровенно скандальным.

Например, один из гостей актер Блюменталь-Тамарин после обильных возлияний во всеуслышание стал призывать влюбленных вопреки всем условиям соединить свои судьбы. Невеста разрыдалась, готовая бежать с любимым куда глаза глядят. В ситуацию, выходящую из-под контроля, вмешался Феликс, который привез в ресторан мать Марины. Та забрала девушку домой, а младший брат убедил старшего отказаться от безумных планов. Впрочем, желая спасти его от неизбежного скандала, Феликс, пожалуй, усугубил ситуацию. Как знать, если бы помолвка тогда же была расторгнута, возможно, Николаю не пришлось бы подставлять грудь под выстрел.

Но тогда казалось, что инцидент, как говорится, исчерпан. Свадьба состоялась. Да какая свадьба! Три сотни гостей, среди которых — старший сын великого князя Константина Константиновича, князь Иоанн Константинович и командир полка конной гвардии генерал Гусейн Хан Нахичеванский. Сразу после торжества молодые уехали в свадебное путешествие в Париж. И вполне возможно, что Николай вскоре забыл бы о Марине, снова погрузившись в водоворот светских развлечений и мимолетных увлечений. Но не желала забывать о нем сама молодая уже не невеста, а жена.

Оказавшись в Париже, она безумно затосковала по объекту своей роковой страсти и начала слать ему отчаянные письма, в которых призывала приехать и спасти ее от ужаса жизни с нелюбимым (как она теперь однозначно удостоверилась) мужем. Это было, конечно, чистое безумие — вызов всем нормам и приличиям общества. Но Марина, как и ее возлюбленный, была дочерью Серебряного века и в письме к Николаю откровенно заявляла: «...ты забыл, что у меня ни капли рассудительности, что я никогда не буду жить разумом...».

И Николай тоже напрочь отказывается от рассудительности. Он собирается в Париж. Для бдительно следящей за ситуацией матери, блистательной княгини Зинаиды Юсуповой, он сочиняет довольно нехитрое оправдание внезапному вояжу в столицу Франции — якобы ему просто необходимо присутствовать на концерте Шаляпина, чьи триумфальные гастролы там в это время проходили. Трудно сказать, поверила ли ему мать, или просто понимала, что в любом случае его не удержит. Во всяком случае, княгиня Зинаида отправила вслед за братом куда более хладнокровного Феликса, в надежде, что он сможет держать ситуацию под контролем. Но к его приезду последствия уже были необратимыми...

Марина засыпала письмами не только Николая, но и собственную матушку. Она и ее возлюбленный в Париже поселились в одном отеле. Марина объявила мужу, что уходит от него, и стала появляться в публичных местах — в театре, на выставках — с Николаем.

Арвид Мантейфель еще в Париже намеревался вызвать оскорбителя на поединок. Но, видимо, как человек сдержанный и рациональный, понял, что причиной всему — его отказывающаяся «жить разумом» супруга. Было вполне очевидно, что Николай не имел ни малейшего намерения его оскорбить, а стал заложником рыцарского долга — явиться по зову пребывающей в отчаянии дамы. В такой ситуации представлялось вполне логичным просто развестись с женой и попытаться забыть все происшедшее как абсурдный сон.

Но возвращение в Петербург заставило всех участников рокового любовного треугольника столкнуться с жестокой реальностью. Весь высший свет активно обсуждал скандал. И в дело вмешались однополчане Мантейфеля. Мать Марины отправила Николаю тревожное письмо, в котором сообщала, что они вызвали графа в штаб-квартиру конногвардейцев в Красном Селе для дачи объяснений.

Вскоре состоялось объяснение Мантейфеля и с семьей Юсуповых. Феликс писал об этом непросто разговоре: «К нам явился сам гвардеец и объявил, что помирился с Николаем, винит во всем жену и намерен требовать развода. Дуэли мы, стало быть, могли не бояться и теперь со страхом ожидали последствий развода».

Со страхом, потому что Николай хотел жениться на Марине, а все его близкие совершенно не были в восторге от перспективы брака с такой, скажем так, спонтанной особой. Но, как вскоре обнаружилось, это была отнюдь не самая страшная перспектива.

Феликс в своих мемуарах утверждает, что Юсуповы были уверены — главная опасность миновала. Он рассказывает о своем разговоре с матерью вечером накануне дуэли: «Она сидела перед зеркалом, горничная укладывала ей волосы на ночь. До сих пор помню матушкины счастливые глаза. “Про дуэль все ложь, — сказала она. — Николай был у меня. Они помирились. Господи, какое счастье! Я так боялась этой дуэли. Ведь ему вот-вот исполнится двадцать шесть лет!” И тут она объяснила, что странный рок тягостен над родом Юсуповых. Все сыновья, кроме одного в каждом поколении, умирали, не дожив до двадцати шести. У матушки родилось четверо, двое умерли, и она всегда дрожала за нас с Николаем. Канун рокового возраста совпал с дуэлью, и матушка была сама не своя от страха. Но сейчас она плакала от радости».

Об этом загадочном проклятии и правдоподобию предания поговорим позднее. Эта легенда на все лады пересказывается в самых разных публикациях о роде Юсуповых. Но отметим, что Николай так и не успел стать князем Юсуповым, а носил до последнего дня фамилию отца — Сумароков-Эльстон. Последним представителем рода по мужской линии был его дед.

Впрочем, и этот сюжет разберем детально в дальнейшем, а пока обратимся к тому, как готовился к роковому поединку Николай. Удивительно, но он идет на него как агнец на заклание. Он ничуть не сомневается, что погибнет. В последнем письме к Марине молодой человек пишет: «Мне страшно тяжело, что я не вижу тебя перед смертью, не могу простить-

ся с тобой и сказать тебе, как сильно я люблю тебя. Подумай, как ужасно идти умирать за тебя и даже не знать, думаешь ли ты обо мне в это время. Марина, дорогая моя Марина, ты не знаешь, как я люблю тебя. Теперь около 5 часов, через 2 часа за мной заедут мои секунденты и увезут меня, и я никогда, никогда больше не увижу тебя. Отчего ты так далеко? Ты не услышишь меня, когда в последний раз произнесу твое имя. У меня даже нет твоей фотографии, чтоб поцеловать ее. Единственную вещь, которую я от тебя имею, — это маленькая прядь твоих волос, которую я храню, как святыню. Вот и все. Я не боюсь смерти, но мне тяжело умереть далеко от тебя, не увидав тебя в последний раз. Прощай навсегда, я люблю тебя».

Суд чести Конногвардейского полка постановил, что без дуэли не обойтись. Да, в России в те годы дуэль не была под запретом. Более того, в офицерских кругах даже поощрялась как средство воспитания чувства личной и корпоративной чести и как своеобразная тренировка боевого духа.

В 1894-м, последнем году правления государя Александра III, были изданы правила об офицерских дуэлях. «Правила о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде» предписывали командирам все подобные дела направлять в суд общества офицеров. Этот орган мог счесть возможным примирение либо ввиду тяжести оскорблений постановить, что необходим поединок. Причем, что характерно, решение суда о возможности примирения носило рекомендательный характер, а вот решение о поединке было обязательным.